

DOI: 10.31857/S013038640013395-2

© 2021 г. М.В. Стрелец

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**Рец. на книгу: В.А. Зубачевский. ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (первая треть XX века): ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. М.: Политическая энциклопедия, 2019, 278 с.***Стрелец Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор Брестского государственного технического университета (Брест, Беларусь).**E-mail: mstrelez@mail.ru**ORCID: 0000-0003-1593-7202***M.V. Strelets**

A NEW STUDY ON THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Rec. ad op.: V.A. Zubachevsky. RUSSIAN POLITICS IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE (the first third of the 20th century): A GEOPOLITICAL ASPECT. Moscow: Political encyclopedia, 2019, 278 p.*Mikhail Strelets, Brest State Technical University (Brest, Belarus).**E-mail: mstrelez@mail.ru**ORCID: 0000-0003-1593-7202*

Содержание монографии доктора исторических наук, профессора Омского государственного педагогического университета В.А. Зубачевского соответствует предмету и цели исследования, заявленным автором: «Предмет настоящего исследования — политика России в ЦВЕ в контексте международных отношений первой трети XX века. Цель научного труда — анализ политики России по защите ее государственных интересов на западных рубежах, преломление политики и идеологии России в связи с конфликтами в ЦВЕ, которые воздействовали на обстановку в регионе и Европе в целом» (с. 13).

В монографии прослеживаются семь сюжетных линий. Первая: комплексный показ историографического, методологического, источниковедческого аспектов политики России в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ). Вторая: новое прочтение политики России в ЦВЕ в преддверии и годы Первой мировой войны. Третья: системный анализ проблемы западных рубежей бывшей Российской империи в годы Гражданской войны

в России (1917–1920 гг.). Четвертая: рассмотрение советско-польской войны в контексте геополитической трансформации ЦВЕ. Пятая: выяснение, сработала ли «конфликтная модель» политики РСФСР (СССР) в ЦВЕ. Шестая: изучение анатомии политики России в ЦВЕ (1924–1929 гг.). Седьмая: исследование политики России, Германии и Польши в ЦВЕ (1929–1934 гг.).

Автором убедительно доказано наличие «стратегического интереса официального Петербурга к сопредельным территориям Германии и Австро-Венгрии в преддверии мировой войны» (с. 57); выявлен решающий фактор, который побуждал Россию «уклониться от назревающего военного конфликта» (с. 57). Это было связано с «неудобством геополитической конфигурации западных российских рубежей» (с. 82). Из текста следует, что ни царское, ни Временное правительство «не имели целостной программы послевоенного устройства западных рубежей России» (с. 83). С автором можно согласиться в том, что «военная оккупация западных земель Российской империи и усилившееся после

Февральской революции стремление народов региона к национальной независимости заложили на данном этапе “длинного периода” основу для последующей геополитической трансформации ЦВЕ» (с. 94).

Вниманию читателей предлагается объективная характеристика геополитической ситуации в ЦВЕ во время Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Научную ценность представляет сравнительный анализ подходов высших органов власти в Российской империи и правительства В.И. Ленина к западным российским рубежам.

Впервые в исторической науке установлено, что «концепция мировой революции после начала иностранной интервенции приобрела форму революционной геополитики с элементами реальной политики, включившей стремление большевиков к компромиссу с новыми государствами ЦВЕ» (с. 94). Обосновано утверждение, что исход Гражданской войны был в немалой степени предрешен великодержавной политикой Белого движения, которая в содержательном плане не отличалась от подходов правящих политических элит Российской империи. Эта политика не принесла Белому движению успеха на международной арене. Автор выводит причинно-следственные связи свершившихся к началу 1920 г. событий: «произошла серьезная геополитическая трансформация “ближнего Запада” России» (с. 94). Историк утверждает, что это никак не стыковалось с национальными интересами России. В то же время автор обращает внимание читателя на следующее обстоятельство: «Государства-члены Антанты не завершили территориальное размежевание в регионе. Это вселяло в Германию, Польшу, Советскую Россию и другие заинтересованные страны надежду, что установленные границы имеют временный характер и положение дел можно изменить дипломатическими, а скорее – военно-политическими методами, в пользу того или иного государства» (с. 94).

Историк стремится разгадать загадки, связанные с отношениями России, Польши, Германии, Литвы, Чехословакии в 1920 г. Ученый изучил проблемный комплекс под названием «Советско-польская граница как “санитарный кордон”»: геополитические замыслы его создателей и противников (осень 1920 – весна 1921 года)».

Война Польши против РСФСР, Литовско-Белорусской ССР (ЛитБела) и Украинской ССР началась в феврале 1919 г. Ее главный инициатор начальник Польской державы Юзеф Пилсудский сформулировал федералистскую концепцию, реа-

лизация которой имела бы геостратегические, этнокультурные последствия.

В.А. Зубачевский отмечает, что «к началу 1920 года в польском общественном сознании окрепло убеждение, что Польша может обрести былое могущество и стать влиятельным государством Центральной Европы, способным противостоять Германии и России, при условии включения в ее состав значительных территорий на востоке» (с. 151). Польское общественное сознание, естественно, не могло быть безразлично к тому, какой будет реакция Москвы на концепцию Пилсудского. С февраля 1919 г. до весны 1920 г. в Советской России брали в расчет наличие военно-стратегической инициативы на стороне поляков. После поражения Красной Армии в марте 1919 г. на Польском фронте не велось активных военных действий. Автор не видит логики в том, что «лидеры большевиков заняли в начале 1920 года позицию максимальных территориальных уступок Польше в обмен на мирный договор» (с. 151), и считает, что Советская Россия могла бы сделать меньше уступок Польше. Автор увидел проявления реальной политики в линии, которую проводила Москва в промежутке между апрелем и июлем 1920 г. «В апреле 1920 года политическое и военное руководство Советской России отказалось от надежд на разрешение конфликта ценой территориальных уступок и приняло решение о подготовке к активным военным действиям против Польши, но планов похода Красной Армии на Варшаву в то время не разрабатывали. Будущее военное противостояние трактовалось скорее как противодействие необоснованным притязаниям поляков на ряд исконно российских земель» (с. 151).

Ключевые события войны Польши против РСФСР, ЛитБела и УССР совпали по времени с обсуждением территориальных вопросов на Парижской мирной конференции. Эти вопросы входили в компетенцию территориальной комиссии, которая предлагала проложить советско-польскую границу в соответствии с этническим принципом. Это предложение 8 декабря 1919 г. поддержал Верховный совет Антанты. 10 июля 1920 г. было заключено соглашение представителей Польши, Великобритании, Франции о польско-советской границе, о чем Советской России официально сообщил министр иностранных дел Великобритании лорд Дж. Керзон. Так возник термин «линия Керзона». Эту линию можно характеризовать как пропольскую, что отмечено в монографии.

Варшава, поддержанная 10 июля 1920 г. Лондоном и Парижем, желала, чтобы войска советских Западного и Юго-Западного фронтов не продвинулись дальше «линии Керзона». В таком случае Польша на уровне официальных заявлений была готова к прекращению военных действий и началу переговоров с Советской Россией. Этот сценарий был реальным до «чуда на Висле», случившегося в середине августа 1920 г. После победы Пилсудского под Варшавой над войсками советского Западного фронта польская сторона захватила стратегическую инициативу, прочно ее удерживала и, естественно, ставила вопрос о значительно большем территориальном приращении на Востоке.

Поражение Красной Армии под Варшавой заставило Советскую Россию в ходе мирных переговоров с Польшей пойти на серьезные территориальные уступки. «Военно-политическая ситуация в ЦВЕ осенью 1920 — весной 1921 г. оставалась крайне нестабильной, что создавало для большевиков возможность балансирования между революционной геополитикой и реальной политикой» (с. 151–152).

В марте 1921 г. произошли события, после которых ощущалось, что в Кремле «начался медленный процесс перехода к реальной оценке международной обстановки» (с. 196). В Риге был подписан мирный договор между РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей — с другой. В это время ленинское руководство пошло на демонтаж политики военного коммунизма, взяв курс на новую экономическую политику.

Однако политика Москвы в международных делах, как и ранее, была полна противоречий и не давала оснований считать РСФСР предсказуемым партнером. «Свою роль играло... то, что западные державы не решили проблему статуса ряда спорных территорий и конфликтная ситуация вокруг них сохранялась. Политический кризис 1923 года возродил надежды большевиков на победу социалистических революций в некоторых странах ЦВЕ при помощи Коминтерна и советских силовых ведомств» (с. 196–197).

Однако «внутренний конфликт в руководстве РКП (б) осенью 1923 г. помешал Советскому государству пойти на открытую поддержку революционного движения в Германии» (с. 198). В противном случае дело могло дойти до регионального военного конфликта. В.А. Зубачевский верно отметил, что «опыт поражений, подобных германскому, подталкивал лидеров большевиков к пониманию их причин как чисто внутренних, порожденных тем или иным

“уклоном”, что укрепляло позиции Сталина и его приверженцев в партии и способствовало нарастанию государственнического подхода к международным отношениям» (с. 198).

Автор дает сбалансированную оценку военно-политического сотрудничества СССР и Германии. Он оценивает советско-германские военно-политические отношения в 1920-е годы как позитивное явление в борьбе против «санитарного кордона», созданного версальскими миротворцами, в частности, для изоляции Германии и Советского Союза. «Сочетание рапальской и локарнской линий в политике Веймарской республики помогало ей готовить “мирную ревизию” Версальской системы, но это было выгодно в 1920-е годы и Советскому Союзу» (с. 230–231).

Историк изучает причины обострения германо-польских отношений в 1929–1933 годах. Всесторонне показаны начало германо-польского сотрудничества и крушение плана «Восточное Локарно». Автор пришел к выводу: «Германо-польский пакт о ненападении прорвал усилившуюся после выхода Германии из Лиги Наций внешнеполитическую изоляцию “третьего рейха”, ослабил систему французских союзов на востоке Европы и положил начало заключению Германией двусторонних договоров с соседними государствами, которые использовались ею для подрыва усилий СССР и миролюбивых сил Запада, направленных на создание системы коллективной безопасности (“Восточное Локарно”» (с. 253).

Монография В.А. Зубачевского решает крупную научную проблему. В то же время ее автор обозначил важные вопросы, над которыми еще предстоит работать. Ряд выводов и оценок, содержащихся в труде, дают основание для внесения корректив в учебники и пособия по новейшей истории стран Европы и Америки. Исследование способствует обогащению представлений о социокультурном аспекте международных отношений.

Труд В.А. Зубачевского заинтересует не только историков, но и практических работников, задействованных на центральноевропейском направлении внешней политики Российской Федерации. Как подчеркивает автор, «анализ политики России в первой трети XX века с геополитических позиций важен для прогнозирования внешней политики Российской Федерации» (с. 253–254).